

Старый бригадир был человеком с сильной волей и твёрдой позицией. Родственники той шайки хулиганов, что бегали с Цюй Хэ, боялись его как огня. Они приходили волнами, неся подарки, чтобы извиниться. Всех семерых хулиганов, кроме самого Цюй Хэ, буквально привели к бабушке Лян, чтобы они поклонились ей до земли и попросили прощения. Лян Чунь не получила серьёзных травм, поэтому подарки были символическими, но теперь ей предстояло собраться с духом, чтобы выдержать серьёзный разговор с бабушкой Лян.

Хотя бабушка Лян и приходилась Лян Сысы и Лян Тин бабушкой, поколение их разделяло. Пострадавшие не хотели их видеть, а родителей пострадавших на месте не было. Бабушка Лян говорила вежливые слова, но смысл её речи сводился к тому, что извинения не принимаются. В сердце копилась обида, и в разговоре она не стеснялась в выражениях.

Лян Цзивэнь вместе с Чжань Цюцзяном несколько раз подслушивали их разговор из укрытия. Чжань Цюцзян довольно недовольно бормотал ему на ухо:

— Если одним извинением можно всё решить, зачем тогда вообще нужны законы? И извиняются они не от души. Мы потом втайне проучим их.

— Хорошо, — согласился Лян Цзивэнь, и на душе у него тоже было беспокойно.

Он нахмурился и в адрес тех, кто небрежно кланялся, выпустил немного убийственной энергии.

Хулиган, который извинялся с явной неохотой, вдруг весь вздрогнул, а по спине у него катился холодный пот. Он почувствовал, как тело пронзает холод, а кости начинают ноеть, словно он снова оказался в том дне, когда Лян Цзивэнь мучил его до того, что изо рта текла слюна, и у него не было даже сил удариться головой о землю. Лян Цзивэнь смотрел на него целых три секунды, но хулигану показалось, что это длилось целую вечность.

— Я... я... я по-настоящему... понял, что был неправ! Я... я в будущем... непременно стану человеком, полезным для народа и общества, — зубы хулигана стучали, а он отчаянно бился лбом о землю, так что выглядело это не как поклонение, а как попытка покончить с собой.

— Да что вы, да что вы, скорее вставайте! — бабушка Лян натянула фальшивую улыбку, но даже не подумала наклониться, чтобы помочь ему подняться. — Сейчас не старое общество, мы феодальными пережитками не занимаемся, вставайте скорее!

Мать хулигана в душе проклинала их. Если бы они правда не хотели, чтобы он кланялся, нужно было говорить об этом сразу, а не теперь, да и вообще не пускать бы в дом! Хотя в душе она проклинала семью Лян, особенно Лян Сысы и Лян Тин, наружу это выдавать нельзя — она ведь пришла просить прощения, а не затевать ссору.

Она держалась очень скромно, нахваливая всех членов семьи Лян сверху донизу, в её устах даже порог казался чудесным. Фоном служили звуки ударов головой хулигана о пол, от которых у его матери душа уходила в пятки. Она уговаривала и упрашивала сына согласиться на это, но не ожидала, что он окажется столь послушным, и тем более не думала, что звуки будут такими реалистичными.

Бабушка Лян продолжала держаться высокомерно, хваля и одновременно язвительно критикуя, глядя, как лицо матери хулигана меняется от злости, но та всё равно вынуждена улыбаться. Наконец она взяла подарки, принесённые матерью хулигана, вошла в дом и тут же захлопнула дверь.

Мать хулигана стояла за дверью в замешательстве, с трудом сдерживаясь, чтобы не начать ругаться матом.

Лян Цзивэнь убрал своё угрожающее воздействие только после того, как бабушка Лян вошла в дом. Освободившись от давления, хулиган сразу обмяк и рухнул на землю, уткнувшись лицом в пол, но оставив немного места, чтобы тяжело дышать.

— О господи, сынок, что с тобой?! — закричала мать хулигана. Увидев, что сын лежит без сил, она подняла его и с ужасом заметила, что его лоб уже в крови. С трудом таща своего двадцатилетнего сына, она плакала и жаловалась прохожим.

Прохожие слушали с любопытством, но расходились, пожимая плечами и скептически морщась. С одной стороны — известная своей честностью семья, с другой — печально известные хулиганы. Все они в деревне друг друга знают. Кто бы мог подумать иначе? Опять притворяются бедными жертвами, чтобы оклеветать людей! Прохожие качали головами: их отвращение к хулиганам росло, а к семье Лян добавлялось сочувствие. Если бы мать хулигана знала об этом, она бы наверняка захлебнулась от злости.

Лян Цзивэнь дал хулигану небольшой урок, но не собирался на этом останавливаться. Вместе с Чжань Цзюцзяном он устроил ловушку на их пути. Вскоре они услышали ругань, а затем серию воплей.

Чжань Цзюцзян в порыве радости обнял Лян Цзивэня и собрался было закружить его. Эм... не смог поднять. Продолжил попытки...

Лян Цзивэнь не сдержал улыбки. Чжань Цзюцзян от стыда разозлился и свирепо посмотрел на него. Лян Цзивэнь протянул руки, предлагая обнять его, но Чжань Цзюцзян передумал, надул губы и отвернулся.

— А-а-а! — Чжань Цзюцзян тихонько ахнул и по инерции обхватил голову Лян Цзивэня. Лян Цзивэнь, держа его на руках, поправил хватку, подхватил Чжань Цзюцзяна под бёдра и помчался домой.

— Ха-ха-ха! — сначала Чжань Цзюцзян немного испугался, но когда Лян Цзивэнь побежал, он расслабился и громко засмеялся, наслаждаясь скоростью. Лицо Лян Цзивэня тоже смягчилось.

Хулиганы продолжали приходить с извинениями. Хотя сам Цюй Хэ не появился, его отец и дядя приходили. Семья Лян, хоть и была всё ещё недовольна, понимала, что нельзя требовать слишком многого, и дело постепенно сошло на нет. Прошло больше половины месяца, инцидент был исчерпан, и раны Лян Сысы и Лян Тин почти зажили. Сёстры были психологически устойчивы и постепенно вернулись к обычной жизни.

Последние визиты с извинениями были весьма щедрыми, и бабушка Лян, видно, решила смыть с себя негатив, поэтому вечером приготовила огромный котёл тушёной свинины. Свинная шкурка была мягкой, жир не был жирным и таял во рту, постное мясо было сухим и не застревало в зубах, а мясной сок, смешанный с рисом, был ароматным и аппетитным. Тушёная свинина, готовившаяся на медленном огне пять часов, наполнила счастьем и взрослых, и детей.

Перед сном Чжань Цзюцзян тихонько сказал Лян Цзивэню:

— Твоя бабушка готовит намного вкуснее, чем мой дедушка!

Дедушка Чжань был поваром среднего уровня, однако он не жалел масла и приправ, так что их домашняя еда получалась вкуснее, чем у него. В семье Лян обычно ели холодные или варёные блюда, кладя в еду по нескольку капель масла.

Лян Цзивэнь не стал спорить, он погладил мягкие волосы Чжань Цзюцзяна. Чжань Цзюцзяну стало щекотно и приятно, веки сами собой потяжелели.

— Спи, — тихо сказал Лян Цзивэнь.

Чжань Цзюцзян зевнул, перевернулся и, увидев, что Лян Цзию и Лян Цзихэн уже спят мёртвым сном, отодвинулся назад, прислонился спиной к груди Лян Цзивэня, взял его руку вместо подушки, закрыл глаза и начал погружаться в дремоту.

Дедушка Чжань последние дни практически каждый день бегал к ним, чтобы проверить, как восстанавливаются девочки. Дедушка Лян просто предложил дедушке Чжаню и Чжань Цзюцзяну переехать к ним, но тот отказался, хотя стал всё чаще ужинать у них. Чжань Цзюцзян тоже каждые два-три дня спал вместе с Лян Цзивэнем, их отношения становились всё лучше, а взаимопонимание крепче. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что задумал другой. Лян Цзию очень завидовал, чувствуя, что старшего брата у него отбирают, но у Лян Цзивэня и Чжань Цзюцзяна, казалось, была природная близость, и Лян Цзию никак не мог их догнать.

На следующее утро Лян Цзивэнь разбудил Чжань Цзюцзяна и Лян Цзию. Чжань Цзюцзян обнимал его и не отпускал, тёрся щекой о подбородок Лян Цзивэня и бормотал невнятно:

— Сейчас встану, ещё одну секунду, и я пойду одеваться, у-у-у... не торопи...

Лян Цзихэн был тем, кто мог резвиться до небес, а спать мог двадцать четыре часа подряд, не открывая глаз. Лян Цзию попытался соскользнуть с канэ, чтобы забрать одежду, которая там грелась, но, пошевелившись пару раз, затих и развалился посередине канэ.

Лян Цзивэнь был в отчаянии. Если он пытался встать за одеждой, Чжань Цзюцзян не отпускал его, а стоило Лян Цзивэню вылезти из-под одеяла, как Чжань Цзюцзян начинал хныкать. Его жалобный голосок с дрожью был таким милым, что у Лян Цзивэня сердце сжималось, и рука не поднималась на него. Ничего не оставалось, как прижать к себе «коалу», вытянуть ногу как можно дальше, аккуратно зацепить одежду и подтянуть её к себе. К счастью, Лян Цзивэнь уже набил руку в этом деле.

Когда Лян Цзивэнь перетащил одежду, Лян Цзию всё ещё не хотел вставать и обнимал свою одежду, не двигаясь. С Чжань Цзюцзяном было ещё сложнее: Лян Цзию обнимал одежду, а Чжань Цзюцзян обнимал его самого! Покачивал головой, тёрся щекой и ни за что не хотел вставать.

<http://bllate.org/book/16557/1510822>